

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ¹

Л.А. Аболина, Р.Ю. Федоров

На основе результатов экспедиционных исследований рассмотрены отдельные аспекты этнокультурных взаимодействий русских старообрядцев Забайкалья — семейских с представителями других этнических групп. Исследованы хозяйственные и культурные заимствования семейских у белорусов в период их проживания на территории Речи Посполитой в XVII–XVIII вв.

Семейские, старообрядцы, аграрные переселения, белорусы, этнокультурные взаимодействия.

Семейскими принято называть проживающих в Забайкалье русских старообрядцев, высланных на его территорию в XVIII в. во время раздела Речи Посполитой. В настоящее время местами их компактного проживания считаются несколько районов Республики Бурятия и Забайкальского края. Отдельные деревни, основанные семейскими, также можно встретить на Дальнем Востоке, преимущественно на территории Приамурья. С конца XIX в. различные историко-этнографические аспекты жизни семейских неоднократно становились объектами научных исследований [Талько-Грынцевич, 1898; Абрамов, 1907; Селищев, 1920; Попова, 1928; Болонев, 1975, 1992, 2004; Петрова, 1999; Традиционный фольклор..., 2008; Жамбалова, Игауэ, 2010; и мн. др.]. Поэтому сегодня мы располагаем обширным научным наследием, посвященным историографии, этнографии, этнолингвистике, этноэкологии и социокультурной адаптации семейских на территории Забайкалья. Ввиду разносторонней изученности вышеперечисленных аспектов ограничимся лишь кратким пересказом основных вех формирования этой самобытной локальной группы русского старообрядчества.

Во второй половине XVII в. после реформы Никона часть приверженцев старой веры, спасаясь от преследований, начала переселяться из России на территорию Речи Посполитой. Главными центрами, куда стекались старообрядцы, были Ветка и Стародубье, расположенные в Полесье. В современных административно-территориальных рамках эти земли преимущественно соответствуют территории Гомельской области Беларуси и Черниговской области Украины. Исследования, проведенные Ф.Ф. Болоневым, также выявили ранее неизвестные места расселения предков семейских, расположенные на территориях, прилегающих к бассейнам рек Сож, Буг, Бох и Днепр [Болонев, 1992, с. 3]. Историографические исследования свидетельствуют, что русские старообрядческие поселения в Польше основывали выходцы из разных мест. К примеру, анализ летописных источников в Российском государственном архиве древних актов указывает на преобладание среди предков семейских выходцев из Тульской, Калужской, Ярославской, Углицкой, Белгородской и Нижегородской провинций [Лебедева, 1972; Тарусская, 1975]. Кроме центральной России в списке также присутствуют некоторые ее южные и северо-западные районы.

После первого разгрома Ветки в 1735 г. и вплоть до третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. отдельные партии русских старообрядцев, проживавших на ее территории, стали насильственно переселять в Сибирь, преимущественно на территорию Забайкалья. Основная цель переселений состояла в укреплении восточных рубежей России, граничащих с Цинской империей. Наиболее вероятно, что название «семейские» переселенные в Забайкалье старообрядцы получили от местных жителей ввиду их прихода большими семьями.

На сегодняшний день одна из наиболее сложных задач изучения традиционной культуры семейских состоит в исследовании многообразия этнокультурных влияний, которые вобрали в себя представители этой локальной группы в период с XVII по XX столетие. Ввиду отсутствия этнографических описаний периода жизни старообрядцев на территории Речи Посполитой мы можем лишь строить предположения о происходивших в это время этнокультурных процессах. Наиболее вероятно, что по причине разнообразной географии мест выхода переселенцев на

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, гранты № 12-21-01000, 15-21-01002.

Ветке и Стародубье первоначально многие из них предпочитали создавать общины, объединенные по земляческим принципам. В то же время, попав в чуждое этнокультурное окружение, старообрядцы непременно должны были ощутить себя новой общностью, для которой «внутренние» различия вариаций традиционной культуры, привнесенных из разных регионов России, со временем должны были стать менее значимыми, нежели этнические различия с новыми соседями, которые придерживались иной веры. Однако, несмотря на стремление к обособленной жизни и сохранению самобытных традиций, в культуре семейских можно проследить и ряд явных заимствований у белорусского и украинского этнокультурного окружения. Данную ситуацию подтверждают современные рассказы информаторов. Екатерина Фирсовна Григорьева, 1923 г.р., из с. Урлук Красночикоийского района Забайкальского края, отмечала: *«Родители ходили в ту [церковь], где клуб сейчас, которую сломали, в “хохлацкую”, а та, где сейчас — “семейская”. Не знаю, почему и те и те были семейские, может, с разных мест приехавши»*. На вопрос «какая разница между семейскими и хохлами?» она ответила: *«Не знаю, говор-то одинаковый, и замуж ходили друг за дружку. Может, раньше с разных мест приехали...»*. «Сибирский период» жизни семейских изучен значительно лучше, и сейчас очевидно, что с проживавшими здесь русскими старожилами и местным населением они имели в большей степени хозяйственные контакты и в меньшей — культурные.

Для изучения этнокультурных влияний и взаимодействий в среде семейских в 2014 г. нами были предприняты экспедиции в места их компактного проживания на территории Красночикоийского района Забайкальского края² и Тарбагатайского района Республики Бурятии³, результаты которых стали основой этнографических материалов, рассмотренных в этой статье.

В исследованных нами деревнях на вопросы о своей этнической принадлежности информаторы предпочитали отвечать, что они семейские, ставя на второй план принадлежность к русской национальности. При этом живущих по соседству русских, придерживающихся традиционной православной веры, у семейских принято называть сибиряками: *«Вон туды дале до моста, жили сибиряки и даже кладбище у их свое было. Аны говорили по-сибирски, а мы по-семейски, аны черные, а мы белые. Семейской нельзя за сибиряка замуж идти. А одна ушла у нас за сибиряка и пошла с ими у церкву: стояла там не молилась, ноги у ей подкосились и черти в глазах! Такое там всё — ей шибко показалось! Мы молимся во как — христом, а они “цапотники”!»* (Валентина Матвеевна Шишмарёва, 1934 г.р., с. Малоархангельское Красночикоийского р-на Забайкальского края).

Несмотря на ревностное сохранение своей веры и запреты на браки с иноверцами, семейские, поселившись в Бурятии, имели обширные хозяйственные контакты с новым этнокультурным окружением. Во многих рассказах информаторов можно услышать об обмене или торговле между семейскими и бурятами домашним скотом, одеждой и орудиями труда. У бурятов семейские охотно приобретали меховые рукавицы и унты. В отдельных случаях контакты семейских с бурятами выходили за рамки хозяйственной сферы. Так, в рассказе информатора Надежды Ерофеевны Калашниковой (Петровой), 1924 г.р., из с. Тарбагатай, ранее проживавшей в с. Нижний Жирим Забайкальского края, присутствует эпизод, в котором члены ее семьи в случае серьезных болезней обращались к помощи бурятских лам: *«Лам приглашали лечить, порошочки давали они»*. На вопрос, не противоречили ли подобные случаи их вере, Н.Е. Калашникова ответила: *«А как, если человек лежит, болеет, конечно, обращались»*. Наиболее вероятно, что данный случай являлся исключением из правил, однако он свидетельствует, что в разных семьях семейских отношение к сложившимся в их среде религиозным догмам и нравственным нормам поведения достаточно сильно варьировалось. По всей видимости, эта тенденция стала особенно нарастать еще в первые десятилетия советской власти. К примеру, на протяжении долгого времени старейшие члены семей запрещали делать детям прививки. Однако в 1920-е гг., во время эпидемий оспы, матери украдкой от своих родителей отводили детей к фельдшеру, нередко договариваясь с ним о приеме в ночное время [Болонев, 1992, с. 155]. Приведенные выше примеры можно рассматривать в качестве проявлений своеобразной здоровой рациональности, свойственной не только семейским, но и многим другим русским старообрядцам. Подобная рациональность была характерной для ряда других сторон быта семейских. К примеру, в рассказах информаторов можно встретить нередкие упоминания об их ис-

² Аболина Л.А. Экспедиция в Красночикоийский район Забайкальского края, март 2014 г.

³ Аболина Л.А., Федоров Р.Ю. Экспедиция в Тарбагатайский район Республики Бурятии, август 2014 г.

Особенности традиционной культуры семейских Забайкалья

ключительной чистоплотности. У семейских не было принято впускать чужих людей в дом. Даже две соседки нередко могли подолгу разговаривать друг с другом через открытое окно, при этом считалось нормальным не приглашать собеседницу войти. Если в дом впускали людей приехавших по какому-то делу (к примеру, бурят), то их не пускали дальше порога: *«Дом был, лавка такая, их за стол не садили, бурят, пиалки деревянные на этой лавке, бабушка полотенце положит, посуду для них особую держали, они же болели сильно, заразы боялись, детей у них часто не было»* (Калашникова (Петрова) Надежда Ерофеевна, 1924 г.р., из Нижнего Жирима). Такие меры предосторожности всегда носили рациональный характер. Благодаря им у семейских детская смертность была гораздо меньше, чем у других групп населения Забайкалья. Семейские уделяли большое значение гигиене жилища. Помимо регулярной внутренней уборки дома у них было принято также мыть избы снаружи. Н.Н. Горбатов из с. Большой Куналей отмечала, что избу снаружи на зиму мыли к Покрову, а весной дома начинали вновь мыть с Благовещенья. В советское время у многих семейских стало принятым красить избы снаружи. Для этого выбирались яркие цвета (рис. 1), самым распространенным из которых был красный (жаркОй).

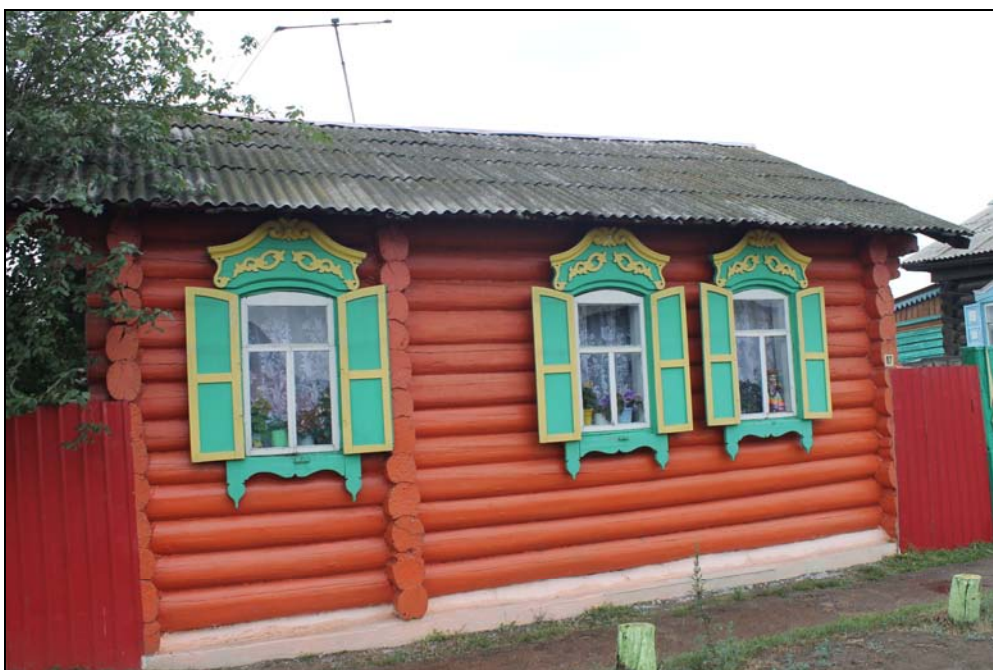

Рис. 1. Традиционный дом семейских, выкрашенный красной краской, в с. Тарбагатай Тарбагатайского района Республики Бурятия. Фото Р.Ю. Федорова, август 2014 г.

Традиционное жилище семейских часто состояло из двух помещений: избы, в которой жили зимой, и горницы, предназначенной для проживания в летнее время. В тех случаях, когда изба и горница соединялись между собой сенями, дом назывался «связью». Интересной архаической особенностью ведения домашнего хозяйства семейских являлось вымораживание тараканов. По рассказу У.З. Горбатовых из с. Большой Куналей, избу открывали и вымораживали в ноябре, незадолго до наступления сильных морозов, а сами ее жители на это время *«кочевали в горницу»*. Затем тараканов выметали из избы.

Воспоминания из детства, которые можно услышать в современных рассказах информаторов старшего поколения, дают представление о ряде особенностей семейного уклада, присутствующего в старообрядческой семье. Екатерина Фирсовна Григорьева, 1923 г.р., из с. Урлук Красночиловского района Забайкальского края, так описала характерные в их деревне названия для членов семьи: *«Хозяин» — муж, а он жену «хозяйка» звал. Сперва ребята «тятя» звали, свекровку — «мать», «мама» звали*. Надежда Ерофеевна Калашникова (Петрова), 1924 г.р., отмечала: *«Прозвища в деревне были: «Промаша» — дед рыбак был, женщина если выходит за Ивана — «Ваниха», за Лексея — «Лексеиха». Старших по имени, отчеству называли, родите-*

лей: *тятя, тятенька, маменька и детей: Настенька, Степочка, Марусенька*». Прозвища женщин, производные от имени мужа, и подобные уменьшительно-ласкательные варианты произношения имен детей имели широкое распространение, в частности, у белорусов. Как и во многих других деревнях, прозвища у семейских употреблялись чаще, чем фамилии: *«Прозвища были, фамилий-то не было. К нам приедуть аткуль, спросять, а мы фамилии-то не знаем, по прозвищу только. “Халит” — Халецкий, а жену “Вагня” (видимо, Агния)»* (Татьяна Владимировна Халецкая, 1923 г.р., с. Урлук Красночикоийского р-на Забайкальского края). Яков Потапович Травкин, 1935 г.р., из с. Большой Куналей Тарбагатайского района Республики Бурятии, отмечал: *«Мы по номерам дома не знаем — прозвища у всех. Там сестра двоюродная живет, прозвище: “Володина”, по прадедушке, дедушка — Григорий. У нас, у отца — “Лечин”, а у матери — “Ченчакова”. Какой Иван? — “Грунич”, какой Гордей? — “Огурец!”. У нас поля по человеку называют: какая падь? — “Травкина”, “Чинчакова” падь, там “Буланка” — Буланцев»*. Примерно до 1960-х гг. у семейских было принято давать детям архаические имена, взятые из духовных книг или заимствованные у предков. Вот как описывает имена своих детей Секлетинья Феофановна Кушнарева (Болонева), 1927 г.р., из с. Большой Куналей Тарбагатайского района Республики Бурятии: *«Первый сын Алексей, потом Пестимея — Пана она сейчас, потом Василий, потом Матрена — Маша, потом Стигней (Евстигней) — сейчас Витька, а Галя, моет дом которая, — Агафья. До 50–60 годов давали старые имена, еще и так регистрировали, а поменяли, когда паспорт меняли. Потом Геннадий, по правилам Евгений, потом Семен...»*.

Религиозная жизнь семейских имеет ряд общих для большинства старообрядцев атрибутов. В общинах семейских роль духовенства, как правило, выполняли уставщики. В церковной иерархии под понятием «уставщик» обычно подразумевается благочестивый и грамотный мирянин, хорошо разбирающийся в церковном уставе, во время службы руководящий чтением и пением на клиросах. Поэтому нередко это понятие воспринималось в церковных кругах как синоним слова «дьячок». В среде старообрядцев уставщик фактически заменял священника, имея право исполнять все церковные таинства. Информатор Секлетинья Феофановна Кушнарева (Болонева) отмечала: *«Отец мой был уставщиком. Сначала молился в церкви, а потом же против все стало, крадче молились в советское время по домам»*. Как и среди других старообрядцев, у семейских было принято молиться по лестовке. Мавра Яковлевна Соколова, 1932 г.р., из с. Десятниково Тарбагатайского района Республики Бурятии, так описала этот процесс: *«Сперва прочитаешь “Троицу”, половину “начала”, потом 12 по лестовке, 12 “Господи помилуй”, потом “воскресную”, потом “Помилуй меня Боже”, Алилуйя — 3 раза. Потом сорок поклонов, “Отчу” прочитаешь, потом сто молитв. Полтора часа я служу, молитвы читаю, “Конун”»*.

Сегодня старшее поколение семейских разговаривает на особом диалекте, в котором кроме различных региональных особенностей русского языка можно проследить отдельные заимствования у белорусов, украинцев и бурят. Несмотря на то, что сегодня диалект семейских хорошо изучен и даже изданы его фундаментальные словари [Юмсунова, 2005; Козина, 2006; и др.], далеко не все присутствующие в нем заимствования исследованы в качестве маркеров взаимодействий с разными представителями этнокультурного окружения староверов. Диалектные заимствования у бурят в основном относятся к хозяйственной деятельности. Большого интереса заслуживает присутствие в диалекте семейских белорусских слов и оборотов. Некоторые слова, имеющие в русском языке женский или средний род, произносятся семейскими в мужском роде, в соответствии с правилами белорусского языка: *«В огаде зимовье, а это банька, тоже она дауно построена, без предбанника. Зимовье СТОЯЛ старинный, большой, здесь тоже постройка была огромная, амбары большие, а в войну с дровами же было трудно — усё посажели. Люди были старые, пожилые (дров не могли привезти) и все посажели. А крыльцо-то это СТАРИННЫЙ, только досками обшито»* (Ульяна Захаровна Горбатов, 1953 г.р., с. Большой Куналей Тарбагатайского р-на Республики Бурятии). Татьяна Федулова Шикунова, 1931 г.р., из с. Урлук Карсночикоийского района Забайкальского края, отмечала: *«В Урлуке говор другой, я урловская, я своему: “МишТи купила штанишТи», дак всё смеялись, они там так говорят: “ештя, пейтя!, здорова живетя!”, “заходють”, ага, некоторые на “э”, — Хведька, Галька, утОрнуть, гАворють»*. К сожалению, рамки данной статьи не позволяют осветить тему белорусских заимствований в диалекте семейских более подробно. Поэтому приведем лишь некоторые наиболее яркие их примеры, которые мы встретили в рассказах информаторов: *«у стеклянке»* — в банке, *«матка-то давно умёрши»*, *«на бараны баранила»* «ихняя матка Домка, Шура-то по-маткиной родовой», *«чатыре брата, три сястры»*, *«ты, можа, на*

Особенности традиционной культуры семейских Забайкалья

улицу выйдешь», «приду пожжА! когды? ну, маленьки сгодя!», «уторнуть у розетку», «ехали, думали калачи, на бязеза растут!», «ён, а рядом ягоный брат», «карточка» — фотография, «бульба» — картошка, «морква» — морковь, «бураки» — свекла, «запон» — фартук, «А ен любить с людям-то поладить», «буваеть», «а можа, астанЕшься?», «а таперь-то, ён умЁр,— она с дочками долго жила», «с ХвенеЙ обшшаемся, тоже одна живеть». Наиболее полно и образно диалектные особенности речи семейских сохранилась в старых песнях.

Еще одной характерной чертой семейских являлась большая музыкальность. В их среде было развито хоровое пение, во многих семьях на праздниках было принято играть на гармонии и балалайке. Распространены были не только духовные песнопения, но и светский песенный фольклор. В настоящее время хоры есть во многих населенных пунктах, где проживают семейские. Большую известность получил созданный в советское время Больше-Куналейский семейский народный хор, гастроли которого с успехом проходили не только во многих регионах России, но и в Европе и США. В Красночикийском районе Забайкальского края ежегодно проводится фестиваль «Семейская круговая». Песни всегда были неотъемлемой частью народных праздников, проводившихся у семейских.

Годовой цикл календарной обрядности начинался с Рождества, проходившего с колядованиями. Во время гадания было принято «чартиться» (обводить себя кругом, чтобы защититься от темных сил, которые, как считалось, присутствуют при гадании). Данное понятие, распространенное у семейских, означало святочные гадания. О них рассказывали сестры: Лукерья Потаповна (1926 г.р.) и Анфимья Потаповна (1933 г.р.) Назаровы из с. Большой Куналей: «Чартились — лопатку, клюку брали — гадали, палкой укруг себя. Куда замуж пойдешь: телега едит, значит, работник будет, топор, что-то еще...». Анфимья Потаповна отмечает: «Вот раньше чартиться ходили! Пойдешь на росстыню (перекресток дорог). Я начартилася — шаг, шаг, шаг... сверьху идёть! Надо чтоб тишина была. Друга начартилася — стук, стук, будто гроб тешуть, дак она уж сорок годов как помёрла. А то у бани были... Катанок куда ногами упадет... Валенки бросали и петуха крутили под ситом, курицу с петухом пустили, они молча повернулись и пошли, а там была вода с пшеницей. О-оо, тебе неважно, Лида, с мужуком будеть — молчком пошли и разошлись. А мне начартили: о! bravo, разговаривать будете, петух ко-ко-ко, ко-ко-ко! Ну, так и получилось! Теперь чё, вёдры замыкали, они упали с крыльца, да быдто вверьх покатились — жаних сверьху придёть, и точно! А я мост клала себе под голова, как спать, и уснула и приснилось, точно он идёть по мосту в черном бушлате, и вот мы с ём точно познакомились: вот мой приехал, на нем такой бушлат военный зялёный. И так получилось, и дялились не раз, но прожили, ничего, вместе. А мы всю жизнь прогуляли и веселились, любим петь, но всё в меру!».

На первый взгляд невинные святочные проказы нередко перерастали в хулиганские поступки: «Ходили, стёклы выбивали, лавочки отрывают, на дорогу вынесут. Года 3-4-5 чё творили-то, ой! А раньше-то еще бравей было: ходили на Святки, колядовали, лавочку оторвут, на ворота поставят, я утром выходить, она на меня чуть не упала...» (Ульяна Захаровна Горбатовых, 1953 г.р., с. Большой Куналей Тарбагатайского р-на Республики Бурятия). Акулина Исааковна Минаева, 1938 г.р., и Агрипина Потаповна Назарова, 1941 г.р., проживающие в том же селе, добавляют: «Бодрились, бодрились, хулюганили: то лавочку оторвут, а у меня крыльцо разобрали. Ходили, тын ломают или лавку оторвут, поставят к воротам. Ходили жаловались в сельсовет, мы вдовы, кто же будет налаживать! Шутки назывались...».

Традиционные блюда, которые было принято готовить у семейских на разные праздники, нередко можно рассматривать в качестве важных маркеров их заимствований у внешнего этнокультурного окружения. Так, на Масленицу во многих деревнях жарили *яишню* и *олады на опаре*. При этом отдельные информаторы подчеркивали, что у семейских на праздники принято печь олады, а не блины. «Яишня» считалась непременно атрибутом белорусского праздника «Гуканне вясны», что дает основание предположить заимствование этого блюда семейскими в период их жизни в Речи Посполитой.

На Вербное воскресенье в Красночикийском районе вербой украшали не только иконы. Ее также втыкали в воротные столбы. Никто из информаторов не смог ответить однозначно на вопрос, для чего это делалось. Наиболее частые предположения были связаны с тем, что ветки вербы защищали дом от молний в грозу. В своем рассказе Валентина Матвеевна Шишмарёва, 1934 г.р., из с. Малоархангельское, отмечала: «Вот ты куда поехала, такой пучёк с собой кла-

ди, она дорожная, чтоб благополучно всё». Несмотря на различные объяснения, рассказы информаторов подтверждают, что верба широко использовалась в качестве оберега.

На Троицу семейские носили березку по улице, но дом зеленью, как правило, не украшали: *«Четыре-пять веток на ворота, а деревья не ставили. А в чистый чатьверг рано на речку ходили, мылись, пока птицы не купались. Помоемся и воды принесем»* (Екатерина Фирсовна Григорьева, 1923 г.р., с. Урлук Красночичойского р-на Забайкальского края). Жительницы Большого Куналея, Акулина Исааковна Минаева, 1938 г.р., и Лукерья Потаповна Назарова, 1926 г.р., рассказывают: *«Рождество раньше-то браво отмечали, а теперь не так. Нам же уж стало семьдесят с лишним лет, ей, а мне семьдесят шесть — старухи настоящие! Нынче шла Троица как буден день: можа, десять машин проехало — ня больше! Раньше мы кумилися, кумушку таскали, бярэзку, на коню ехали, если приходилось. Кумушку бярэзовую поставим и кругом ходим. Маленькие гуляли, с малолетку начинали гулять, 10–12 лет, ой вымоем всё сами, конхветок наберем, наедимся, будто пьяные сделаемся»*. «С малолетку», т.е. с 10–12 лет семейские начинали приобщаться к взрослой обрядности, а до этого играли в «детские» игры.

Среди популярных в детстве игр представители старших поколений вспоминают кроме повсеместно распространенных «бабок» и другие: *«НичОго не былО играть, во у бабки играли, косточки, скота били. С костей “шагатки” с баран, краскай накрасють. А потома мужики, мужчины в «кандовки» играли, палочка такая маленькая одна и большая»* (Татьяна Владимировна Халецкая, 1921 г.р., с. Урлук Забайкальского края). В с. Десятниково у семейских сохранилась более редкая игра для девочек — «лодыжки» (рис. 2): *«Скотину кололи — у каленках бабки, а деуки у “лодыжки” играли. Лодыжки вот, сто шесть пар. Это “сак”, это “лунка”, это “гладуш”, это “сорока”. Вот парами разделишь, что кому достанется, и так бьешь. А шшалки-то было. А ребятишки бабки в стяну кидают, бабки они в стяну бьют: есть сама бабка, а есть коротенькая “зулька”»* (Мавра Яковлевна Соколова, 1932 г.р., с. Десятниково Тарбагатайского р-на Республики Бурятии). Девочки обычно играли в куклы, которые шили сами из тряпок, вышивая нитками черты лица. Среди совместных игр чаще других называли лапту.

Рис. 2. Набор для игры в «лодыжки», принадлежащий Мавре Яковлевне Соколовой, 1932 г.р., из с. Десятниково Тарбагатайского района Республики Бурятии. Фото Р.Ю. Федорова, август 2014 г.

К почти утраченным традициям семейских можно отнести бытовавшую среди них свадебную обрядность. Рассказы информаторов свидетельствуют, что во многих семьях начали отступать от устоявшихся свадебных традиций еще в довоенное время. Сватовство почти исчезло, как и сам свадебный ритуал: молодые, если была возможность, собирали стол, а если не было — обходились без обязательного круга гостей, регистрировались в ЗАГСе нередко лишь

Особенности традиционной культуры семейских Забайкалья

после того, как в семье рождались дети. Об интересном обычае рассказывали потомки семейских из деревень Урлук и Жиндо Красночикойского района Забайкальского края. Он назывался «свЕдение» и заключался в следующем: родители молодых встречаются и договариваются о том, что их дети будут жить вместе, помогают им устроить быт, а свадьбу играют в течение года после «сведения». Описание этого обычая встречается в рассказе других информаторов: *«Свадьба была, стояли перед столом, вино подавали гостям молодые, бражку. Сначала было “свЕдение”, а как же, что свели уже, а потом свадьба. На конях была свадьба, коней запрягут в кошову, невесту содят, жених там, остальные сзади едут. Зимой. Свидетелей не было, не регистрировались. Прожили год или два, родилась девка, он паспорт взял, пошел, записал сам. Так всех детей записывал, а у меня их не было даже в паспорте»* (Ефросинья Павловна Дранишникова, 1933 г.р., с. Жиндо Красночикойского р-на Забайкальского края). Время возникновения этого обычая выяснить не удалось, но у нас есть основания предполагать, что он мог появиться в качестве ответа на новые реалии первых десятилетий советской власти.

Комплексы похоронной и поминальной обрядности у семейских сохранили много архаических черт, которые в настоящее время оказались утраченными у других групп восточнославянского населения Сибири. Вместе с тем в них можно выделить индивидуальные особенности, которые не встречаются у русских старожилов Сибири и переселившихся на ее территорию во время Столыпинской реформы украинцев и белорусов. Наиболее наглядное представление об этих особенностях нам дали рассказы Мавры Яковлевны Соколовой, 1932 г.р., из с. Десятниково Тарбагатайского района Республики Бурятии, на данный момент выполняющей роль уставщицы. По ее словам, раньше у семейских было принято хоронить покойника в день смерти, причем это разрешалось делать даже вечером. Похороны проходили так: *«А если умёрла, его или ее, гроб привяжут,— вымоем, может, он поганый, мы же не знаем, кто его делает, может, тут же папироску курит! Потом саван расстелю, саван наденешь, в гроб положишь и читаешь “Канун”. Саван, ничего не вышивали, ране пеленали, теперь не пеленаем, этот пояс, его на дне постелим. Три креста сделаешь: у голове, крест уторой у грудях, и у ногах — три креста, потом саван постелишь, потом покойника кладем. Я упряёд иду, когда несли, я упряёд иду с распятием, потом за мной с цветами. Путь ничем не устилали, не положено»*. Раньше у семейских было принято заранее делать для себя «домовину» и насыпать в нее пшеницу, чтоб она не портилась. Пожилые люди заранее готовили себе «смерётную одёжу» и сосновую колоду. Колоды какое-то время лежали под навесом и сохли, потом из них делали «домовину». Гробами их стали называть после Великой Отечественной войны, когда их начали делать из теса [Фурсова, 2011, с. 391]. Распространенная среди старообрядцев примерно до 1990-х гг. традиция изготовления для себя загодя «колоды» — «домовины» оказалась в настоящее время утраченной.

Мавра Яковлевна Соколова так описала традиционное похоронное облачение семейских: *«На смерть одевали “калишки” да смярётные одёжи: сарафан, рубаху, калмычку. Калишки иголками связаны и розочка спереди вывязана, одни с баранней шерсти, тапки, туфли не надевают»*. При этом, по словам М.Я. Соколовой, саван на покойнике выполняет роль *«ризы перед Богом»*, что говорит о его обязательном присутствии в похоронном облачении: *«У нас Ельку без савана схоронили, так она каждую ночь приходила к сестре: говорит: “Как же я с голым каленкам: платье одели, а оно же короткое, а саван нет?”. Я говорю: “Нясите матерю, я сошью саван, унясите и погыбе заройте”. Унясли, зарыли, и не стала сниться!»*. Несколько схожих случаев были ранее описаны Е.Ф. Фурсовой [2011, с. 391]. Во время отпевания *«гроб разворачиваем ногами к Богу, чтоб покойник-то молился с нами. Четыре свечи на гробе зажигаем: тут, у ногах и у голове, начинаем молиться. Читаю, читаю молитвы по памяти и две молитвы больших по книге: “Верую” и “Томилуй меня, Боже”* (М.Я. Соколова). В отличие от канонических обычаев, бытующих в православной церкви, у семейских было допустимо отпевать удушенников: *«Три Паусии отслужишь, говоришь, только имя не называшь, а так всё... Паусии всех дороже икона. А если с вина помер или утонул, тоже надо, всех надо отпевать, он же не нарочно, он же не знал, что умрет! А удушенника, имя не поминай»* (М.Я. Соколова).

На кладбище раньше хоронили без оградок: *«Мама говорила: “Не вздумай мне остожье городить!” Без оградок хоронят, чтобы с любой стороны мог человек подойти. Поросята по воле ходят, свиньи, поэтому делают общую ограду. В субботу только поминают утопленников, удушенников»* (Надежда Николаевна Родионова, зав. музеем «Усадьба крестьянина-семейского», с. Архангельское). На могилах у семейских раньше чаще всего ставились дере-

вянные кресты. После того как крест падал на землю от ветхости или сильного ветра, его не принято было ставить назад или менять на новый. Он должен был продолжать лежать на своем месте до тех пор, пока полностью не разрушится и не сровняется с землей. Со второй половины XX в. на могильных памятниках начали устанавливать фотографии. На них некоторые умершие старшего поколения изображены в традиционной для семейских одежде, на женщинах часто надеты кички, сарафаны, «ожерелки». Интересный обычай был отмечен на кладбище в с. Архангельском: инструмент для копки могил оставляют на территории кладбища, на видном месте, как общественный инвентарь, не унося его домой. Информаторы из разных населенных пунктов часто упоминают, что раньше покойника несли на кладбище на носилках, которые тоже оставлялись на кладбище.

Поминальный стол чаще всего состоял из пшеничной кутьи, щей, пирога с рыбой (если нет поста) или с грибами (в постные дни). В доме покойного на протяжении сорока дней ставили стакан с водой, который накрывали хлебом. Интересной особенностью поминальной обрядности семейских являлось то, что посещать могилы умерших было принято не на Родительский день, а на Пасху. Если в одной деревне проживали семейские и сибиряки, они, как правило, устраивали отдельные кладбища. В крупных населенных пунктах, таких как Большой Куналей, где центральная улица тянулась несколько километров, для удобства делалось несколько кладбищ в разных концах деревни.

В итоге приведенного выше обзора этнографических материалов, собранных в ходе экспедиционных исследований, следует отметить, что для понимания того, какие этнокультурные влияния обусловили формирование самобытной традиционной культуры семейских, большое значение имеет комплексное исследование всех ее компонентов. При этом важно изучать не только базовые формы традиционной культуры, такие как календарная и семейная обрядность, фольклор, материальная культура. Для получения целостной картины этнокультурных взаимодействий необходимо исследовать такие существенные составляющие жизни локальных сообществ, как их адаптация к новым природно-климатическим условиям и иному этнокультурному окружению. Исходя из этого можно сделать вывод, что сохранившиеся на сегодняшний день проявления традиционной культуры семейских являются уникальным результатом длившихся более 300 лет этнокультурных взаимодействий старообрядцев из разных регионов Европейской России, белорусов, украинцев, а также русских старожилов и коренных народов Забайкалья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамов И.С.* Старообрядцы на Ветке. СПб.: Тип. М.П.С. (т-во И.Н. Кушнерев и К°), 1907. 34 с.
- Болонев Ф.Ф.* Календарные обычаи и обряды семейских. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975. 96 с.
- Болонев Ф.Ф.* Семейские: Ист.-этногр. очерки. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. 224 с.
- Болонев Ф.В.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. М.: ДИК, 2004. 350 с.
- Жамбалова С.Г., Игауз Н.* Калейдоскоп: Этнографические картинки XX — начала XXI в. в устных рассказах народов Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 412 с.
- Козина О.М.* Говоры старообрядцев Бурятии — семейских: Генезис, диалектный тип. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 164 с.
- Лебедева А.А.* Одежда одной из локальных групп русского населения старообрядчества // Из культурного наследия районов России. Л., 1972. С. 156.
- Петрова Е.В.* Социокультурная адаптация семейских Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 129 с.
- Попова А.М.* Семейские: (Забайкальские старообрядцы) / Бурят-Монгол. науч. о-во им. Доржи Банзарова. Верхнеудинск: Тип. НКПТ, 1928. 36 с.
- Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы: Семейские. Иркутск, 1920. 89 с.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.* К антропологии великороссов: Семейские (старообрядцы) забайкальские. Томск, 1898. 52 с.
- Тарусская М.Г.* Коллекция расписной утвари и одежды семейского населения // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2: Забайкалье. Новосибирск, 1975. С. 71.
- Традиционный фольклор старообрядцев Бурятии (семейских) в современном бытовании (по материалам полевых исследований конца XX — начала XXI в.).* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 316 с.
- Фурсова Е.Ф.* Похоронно-поминальные обычаи белорусских переселенцев и семейских Сибири в XX, начале XXI в. // Культура русских в археологических исследованиях: Междисциплинарные методы и технологии. Омск: Омск. ин-т (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 388–395.

Особенности традиционной культуры семейских Забайкалья

Юмсунова Т.Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005. 288 с.

Иркутск, средняя общеобразовательная школа № 7
larisa-abolina@yandex.ru
Тюмень, ИКЗ СО РАН
r_fedorov@mail.ru

Backing up by results of expedition investigations, the article considers certain aspects of ethnocultural interactions of Semejsky — Russian old-believers from Transbaikalia — with representatives of other ethnic groups. Subject to investigation being household and cultural borrowings of Semejsky from Byelorussians, made under their dwelling on the territory of Polish-Lithuanian Commonwealth in XVII–XVIII cc.

Semejsky, old-believers, agrarian migrations, Byelorussians, ethnocultural interactions.